

*Родионова Елизавета Михайловна,
студентка
Юридический факультет
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Россия, г. Нижний Новгород
e-mail: elizaveta.rodionova.01@mail.ru*

**ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СТАНОВЛЕНИЯ
ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА СУДЕБНОГО ЭКСПЕРТА ДО
НАЧАЛА XX ВЕКА**

***Аннотация:** Первые обращения законодательства к определению процессуального статуса судебного эксперта зарождались с давних времен. Нарастая опыт предыдущих поколений, правители России стремились к законодательному развитию института сведущих лиц.*

Ключевые слова: сведущие лица, специальные знания, экспертиза

*Rodionova Elizaveta Mikhailovna,
student
Faculty of Law,
Nizhny Novgorod State University of N.I. Lobachevsky,
Russia, Nizhny Novgorod*

**THE HISTORICAL ASPECT OF FORMATION OF PROCEDURAL STATUS
OF A FORENSIC EXPERT BEFORE BEGINNING OF THE XX CENTURY**

***Abstract:** The first legislative appeals to the definition of the procedural status of a judicial expert originated from ancient times. Building on the experience of previous generations, the rulers of Russia sought the legislative development of the institution of knowledgeable persons.*

Key words: knowledgeable persons, special knowledge, expertise.

История возникновения и развития правового института специальных знаний, в том числе процессуального статуса, имеет не только самостоятельное значение, но и позволяет создавать научно обоснованные ориентиры для ученых-юристов, иных ученых и практиков. Именно такой исторический анализ имеет огромное значение для дальнейшего совершенствования точек зрения на роль и статус судебного эксперта в гражданском, уголовном процессе и судопроизводстве.

Понятие «сведущие люди (лица)» с давних времен употреблялось для обозначения лиц, обладающих специальными знаниями и навыками в науке, технике, искусстве и ремесле, которые проводили судебные экспертизы, участвовали в осмотрах, освидетельствованиях, допрашивались для разъяснения научных утверждений, имеющих значение для расследования, раскрытия дела.

Первые обращения правосудия к помощи науки отмечены в истории судебной экспертизы довольно рано. Со времени правления византийского императора Юстиниана (V-VI вв.) в законодательстве того времени нашли отражение требования исследовать почерк в судебных целях. Прибегая к древнерусскому праву, в Псковской судной грамоте 1467 г. в целях предупреждения подлога было необходимо при совершении какой-либо сделки обращаться к княжескому писцу, который свидетельствовал сделку и выступал, таким образом, гарантом подлинности документа. На данном этапе охрана документов ограничивалась лишь визуальным осмотром изучаемого объекта, так как сведущие лица не обладали другой методикой выявления подделок. Иван IV в Судебнике 1550 г. приказал церковным дьякам и подьячим, как самым осведомлённым в области составления документов, участвовать в судебных процессах в качестве сведущих лиц.

Период до XVIII в. характеризовался тем, что при рассмотрении в суде дел, обычно касающихся долговых займов, договоров купли-продажи, наследования и пр., именно сведущими лицами (как правило, дьяками и подьячими) проводились осмотры документов в целях установления их подлинности, а также исследовались почерки и подписи.

Люди, обладающие специальными знаниями, от случая к случаю привлекались для производства осмотров и освидетельствований (например, освидетельствования лекарями для определения пригодности тех или иных лиц к военной или другой государственной службе с последующим отчетом об этом в устной или в письменной форме). На протяжении XVI в. поводом для

производства экспертизы служило указание главы верховной власти (по царскому указу).

По-прежнему наблюдались явные пробелы в регламентации использования специальных знаний, и уже первые институты эксперта и судебной экспертизы зародились в России в XVI в. Однако в молодом государстве познания привлекаемых лиц были недостаточны, а их роль в уголовном процессе носила второстепенный характер.

Осмотры документов в целях установления их подлинности и исследования почерков сведущими людьми производились по гражданским делам еще в XVI в., а по уголовным делам осмотры документов с использованием специальных знаний стали проводиться с 1649 г., когда Соборное уложение признало подлог документов преступлением. Содержание указанного документа позволяет считать, что в судебной практике того времени уже существовала система проверки подлинности документов, денег и драгоценных металлов, поскольку в данном правовом акте была предусмотрена ответственность за совершения действий по их подлогу, однако информации о регламентации процесса использования специальных знаний в данном Уставе не было.

Указ от 6 марта 1699 г. «О порядке исследования подписей на крепостных актах в случае возникшего о подлинности оных спора или сомнения, о подписании крепостей в поместных и вотчинных делах в поместном приказе, а не на Ивановской площади, и о потребном числе свидетелей для крепостных актов» устанавливал, что экспертизу производить («руки свидетельствовать») могут сведущие лица - только приказные дьяки и подьячие; были определены и объекты исследования (крепостные акты). Таким образом, Указ 1699 г. стал первым правовым документом, регламентирующим деятельность сведущих лиц.

Дальнейшую регламентацию экспертиза получила в Воинском уставе Петра I, но он касался лишь отдельных вопросов судебно-медицинской экспертизы. Этим актом впервые вводилась присяга эксперта.

В первой половине XIX века процессуальное положение сведущего лица определялось в литературе образным выражением «инструмент или увеличительное стекло» в руках следователя или судьи. Позже, во второй половине XIX века, стала преобладать точка зрения, согласно которой эксперт уподоблялся «научному судье», а его заключение приравнивалось к судебному акту. Явным недостатком стало отсутствие единого комплекса правовых норм, регламентировавших судебную экспертизу и процессуальный статус эксперта.

Значительным шагом в становлении института сведущих людей можно считать систематизацию российского законодательства, проведенную при Николае I, приведшую к созданию свода законов Российской империи 1832 г. По мнению Исаевой Л. именно данный документ послужил отправным моментом в формировании представления, схожего с современной экспертизой. Понятие «сведущие лица» впервые регламентируется в своде законов Российской империи 1832 г. Последний допускает их показания источником доказательств, а также правила проверки подлинности документов путем сличения почерков секретарями присутственных мест. Применительно к последнему документу: по нему показания сведущих лиц могли выступать в качестве самостоятельного источника доказательств, но при этом не делались различия между экспертами и сведущими лицами. Статьи 1068 и 943 свода понимают под сведущими лицами особых свидетелей, привлекаемых для исследования происшествия и осмотра.

С выходом череды Судебных уставов начался новый этап формирования статуса сведущих лиц. Основные требования к проведению судебных экспертиз были заложены в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. Так, ст. 112 Устава предусматривала следующее правило: «Сведущие люди приглашаются в тех случаях, когда для точного уразумения встречающегося в деле обстоятельства необходимы специальные сведения и опытность в науке, искусстве, ремесле, промысле, или каком-либо занятии» [1]. В нем также были затронуты вопросы, касающиеся статуса сведущих лиц, их прав и обязанностей,

ответственности и заложены основы государственной судебно-экспертной политики.

В статьях 693 и 326 Устава были сформулированы некоторые принципы работы сведущих лиц, а именно требования достоверности, незаинтересованности и компетентности. Доверие к сведущим лицам как к достоверным источникам специальной информации в общественном сознании формировалось по мере приобретения ими репутации профессионалов, честно и добросовестно исполняющих свой служебный долг. Благодаря безупречной репутации сведущих лиц, судебные органы относились к ним с полным доверием и уверенностью в их объективности, неподкупности в решении споров.

В Уставе гражданского судопроизводства отсутствовали понятия «эксперт» и «экспертиза», в нем шла речь о деятельности, которая в дальнейшем стала именоваться судебной экспертизой. Кроме того, судебная реформа 1864 г. выделила процессуальное положение специалистов, которые наряду с экспертами стали называться сведущими лицами (или сведущими людьми).

Также можно пронаблюдать отличие мер предупреждения об уголовной ответственности эксперта за дачу ложного заключения от современных научных дискуссий, где уголовная ответственность рассматривается в качестве гарантии его объективности. Устав требовал приводить сведущих людей к присяге.

Возвращаясь к реформам Петра I, важно упомянуть, что присяга для лиц, поступающих на государственную службу, оценивалась как нравственное испытание, в котором любой, нарушивший «очистительную присягу», обрекал себя на «муку вечную» [5]. В настоящее время предупреждение об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний или за дачу заведомо ложных показаний постепенно утрачивает свой смысл.

В Наставлении 1828 года, регламентировавшем порядок осмотра и вскрытия мертвых тел, было записано, что «...медицинские чиновники, состоящие на службе, освобождаются от присяги при освидетельствовании мертвых тел. Врачи же, которые не состоят на службе, должны подтверждать

свидетельства свои присягой, если оные относятся к таким умершим, которые в драке были биты, поколоты и порублены, и к подобным тому случаям, где истинная причина смерти еще не доказана и сомнительна» [6]. В наши дни профессиональные эксперты приводятся к присяге один раз при вступлении в должность.

Обобщая выше сказанное, можно сказать, что введение «Уставов императора Александра II» сыграло весомую роль в становлении института судебной экспертизы.

На начало XIX в. для России было характерно образование врачебных управ в Петербурге и Москве, на которые была возложена и функция контроля за исследованиями в судебно-медицинской деятельности, производимым по поручениям следственных и судебных органов, что predisposed законодательскую сферу к созданию методических основ экспертной деятельности учеными в области уголовного и гражданского судопроизводства.

Постепенно нарастал интерес в определении правового статуса сведущих лиц и результатов их деятельности, что обусловило научную полемику по данной проблеме. Мнения ученых-процессуалистов разделились: большинство стали признавать сведущих лиц особыми, самостоятельными участниками процесса, другие, например Шавров К.В., считали их сведущими лицами, производившими исследование, подобно свидетелям.

Винберг А.И. писал, что в науке уголовного процесса второй половины XIX - начала XX в. широкое распространение имели теории, согласно которым заключение эксперта отождествлялось с приговором суда, а эксперт уподоблялся «научному судье», либо эксперту отводилась роль свидетеля или помощника судьи» [3].

Несмотря на различные подходы к решению проблемы по определению процессуального статуса эксперта, было одно общее. Это необходимость применения специальных знаний, имеющих теоретическую базу, и

приобретения их в ходе специальной подготовки для объяснения фактических обстоятельств дела или дачи консультации.

Тем самым, Судебная реформа 1864 г. стала крупнейшим шагом в Российском государстве к построению правового государства, в том числе создания института сведущих лиц и судебной экспертизы.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что к началу XX века государство сделало стремительный шаг в определении статуса новой процессуальной фигуры, в дальнейшем названной «судебный эксперт», наметило предпосылки для научного и законодательного развития института сведущих лиц, успешного использования специальных знаний и квалификации экспертов.

Список литературы:

1. Устав уголовного судопроизводства от 20.11.1864 // Информационно-правовая система «Гарант».
2. Шляхов А.Р. Проблемы классификации в криминалистической экспертизе и ее практическое значение // Правовые и методологические проблемы судебной экспертизы. М., 1974. С. 4-17.
3. Винберг А.И., Малаховская Н.Т. Судебная экспертология. Общетеоретические и методологические проблемы судебных экспертиз: учебное пособие. Волгоград: НИиРИО ВСШ МВД СССР, 1979. 183 с.
4. Белкин Р. С. Курс криминалистики. Том 3. М.: Юнити, 2001. 837 с.
5. Спасович В. Д. Сочинения В. Д. Спасовича: с портретом автора: [в 10 т.]. Т.3. СПб.: Тип. Н. Финдейзена, 1896. 544 с.
6. Линовский В.А. Исследование начал уголовного права, изложенных в уложении царя Алексея Михайловича. Одесса: Гор. тип., 1847. 128 с.